

А всё остальное потом

У ПОРОГА школы я повстречала ватагу мальчишек. Уроки кончились, и мы расположились на ближайшей скамейке поговорить.

— Это точно, что в вашей школе двоечников нет? — Точно, — хором ответили мальчишки, — уже целых три года.

— И уроки, значит, у вас всегда приготовлены?

— Точно! — снова хором подтвердили мальчишки.

— Попробуй не готовить, — добавил один из них. — Расма Силиня со своими контролёрами чуть не каждое утро у дверей. Приходишь в школу, а они: «По поручению совета дружины мы должны проверить, как ты выполнил домашнее задание». И проверяют. Учебный сектор — с ними не поспоришь. Чуть что не так, оставайся после уроков. А кому охота вместо футбола вчерашние уроки учить? Лучше дома всё как следует приготовить.

В школьном вестибюле — экран успеваемости каждого класса за неделю. Если неделя была неудачной, в понедельник актив отряда отчитывается на совете дружины, почему это произошло.

— Случайных двоек и троек не бывает, — убеждена Расма. — Нужно только серьёзно заниматься с первого учебного дня, а не устранять авралы в конце четверти.

В ДОМЕ Имулиса Ренько было людно, но не очень весело. Как на семейном совете, сидели за столом мама, папа, учительница.

— Мы с отцом в колхозе никогда в отстающих не числились, а ты, выходит, всю семью подводишь. Лентяй ты, лентяй.

Про лентяя мама точно сказала. Только соберётся Имулис за уроки сесть, как что-нибудь приключается. Или велосипед срочно починить надо, или по телевизору хоккей, или ребята марками меняться придут. На совете в доме Ренько все пришли к единому мнению: уроки Имулис должен делать в школе. Сначала это очень ему не понравилось. А потом понял: в одиночку лень и неусидчивость победить непросто. Другое дело, когда рядом Сильвия, сосредоточенная, подтянутая. «Сначала уроки, а всё остальное потом», — говорит Сильвия. Когда Имулис уроки с Сильвией делает, то потом времени у него хватает и на велосипед, и на хоккей, и на марки. А в дневнике всё чаще появляются четвёрки.

НА ОТРЯДНОМ сборе Райтис сидел, опустив голову. Лично у него, у Райтиса, всё было в полном порядке, и ругать его никто не собирался. Но рядом с ним за партой сидел его друг Алдис, о котором и шла речь.

— Может, тебе помощь нужна? — спрашивали Алдиса ребята. — Да ты не стесняйся, скажи, кто угодно тебе поможет...

Это «кто угодно» больно кольнуло Райтиса. Кто угодно поможет, а он, лучший друг, как-то не замечал, что товарищ учится намного хуже его. Не приехал же

Всё равно больше чем на тройку не вытяну.

После сбора Райтис не торопился домой. Зашёл в интернат при школе, где жил Алдис. Поговорили, посмотрели новый спортивный журнал, а потом, как-то само собой, вместе сели делать уроки. Райтис заставлял себя не торопиться. Сам он прямо на лету всё схватывает, а Алдису учёба даётся трудно. Райтис любую теорему, любое грамматическое правило с первого раза запоминает, а Алдису нужно несколько раз прочитать, и обязательно вслух. Времени, конечно, на уроки у Райтиса стало уходить больше. Но разве стоит считаться со временем, если помогаешь другу?

— Говорил, больше чем на тройку не вытяну, а сам чуть ли не за месяц хорошистом стал, — удивляются ребята.

В ЭТОЙ школе в каждом кабинете есть учебные пособия, сделанные руками ребят. Если ты не можешь запомнить правописание суффиксов или безударных гласных, тебе предложат занимательный диктант. Если ты боишься контрольной по алгебре, то в кабинете математики найдёшь карточки с трудными примерами и задачами. В карточках есть подсказки, но до ответа надо добираться самостоятельно. После таких упражнений можно одолеть.

Три года в школе нет ни одного двоечника. Так, может быть, она особенная, для одарённых детей? Нет, самая обыкновенная сель-

А
У НАС
ВО
ДВОРЕ...

МАЛЬЧИК СТРОИЛ ГОРОД...

Было утро. Падал первый снег. Мальчик сидел на корточках и строил снежный город. Башни, дома, завод, гараж...

— Так, — говорил он себе, — по этой дороге я пойду в школу. Вот она... А эта дорога... к аэродрому. Отсюда полечу на БАМ...

Кто-то сильный ухватил за руку, заставил подняться. Мальчик поднял голову. Рядом стоял Серёга из шестого подъезда. Серёга, которого все боялись.

— Пустяк остался, — робко сказал мальчик. — Телевышку построить...

Но Серёге было это безразлично... «Город» пересекли два ботиночных следа, в минуту всё было растоптано. Зачем? Почему?

Николай ДУБОВОЙ.

Москва.

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ПАРИКА!

— Вы только подумайте! Сын продал своему дружку мой парик! За двадцать копеек! — жаловалась Андриюшина мама. — Купил себе на двадцать копеек переводных картинок. А дружок устроил из парика гнездо для котёнка...

Злополучный парик заставил взрослых подумать об интересных делах для ребят. Чем занять их, пока мамы и папы на работе? Нашлись вожатые. Все — добровольцы. Заботливее всех оказалась Нина Гри-

сот часов во дворах новых домов, — это будет их вклад в шестьдесят ударных комсомольских недель.

Шёл дождь со снегом, впопыху спрятаться под крышу. Однако работа кипела. Я видел здесь и пионерские бригады, и младших ребят. Малышки сгребали мелкий мусор, в руках у них были маленькие лопаты. И никто не продавал маминых париков!

Г. КОВАЛЕВ.

Мурманская область,
посёлок Никель.

ПОЧТА «КВАДРАТА «Д»

У МЕНЯ случилось несчастье: я сломала ногу. Но ребята не оставили меня. По несколько раз в день навещают, приносят из школы задания, объясняют непонятное.

Живём мы все не в одном дворе, а на одной улице. Но поселковая улица — это всё равно что один большой двор в городе. Часто собираемся, играем, поём песни.

Прошу считать это письмо пропуском в «Квадрат «Д».

Лариса ЧУРУКСАЕВА.

Томская область,
посёлок Белый Яр,
улица Чкалова.

ЗДРАВСТВУЙ, «Квадрат «Д»! Твой вопрос я понял так: кто такие мы и какие мы?

Мы — это братик с сестрёнкой. Мы — это мама, папа, бабушка, дедушка и соседи. У нас не один двор, а много дворов, потому что мы живём в селе.

Мы люди дружные. Когда у кого плохое настроение, то другие замечают и стараются

ЗАГРАНИЧНАЯ ПРИНЦЕССА

— А я, может, решил здесь остаться, — ответил Пашка. — Буду защищать бедных и слабых, сражаться на турнирах, а если плохо придётся, уйду в лес, как Робин Гуд.

Алиса поняла, что придётся обратиться к последнему оружию.

— Придётся рассказать обо всём твоей маме.

— Это нечестно! — возмутился рыцарь Красной Стрелы. — Можно обойтись и без таких угроз. Я же пошутил.

«Молодец Изабелла! — подумала Алиса. — Я-то подумала, что она ушла, а она нам побег готовила. Всё-таки она очень опытная в местных обычаях».

Они миновали улицу и вошли во дворец.

— Как скажу, бежим, — сказала Алиса и протянула руку, чтобы не потерять Пашку в темноте. Стражники шли в трёх шагах сзади.

За полутёмной передней начиналась лестница наверх. Но достичь её они не успели.

СУД ВО ДВОРЦЕ

Перед лестницей в ряд стояли стражники, впереди — камергер.

— Именем короля, — сказал камергер, — самозванец и колдун, называющий себя рыцарем Красной Стрелы, арестован.

— Не было такого приказа! — сказал шут. — Это ты сводишь счёты.

— Мы его отведём прямо к королю, — улынулся камергер, — а там разберёмся, кто врёт, а кто клеветит и оскорбляет при исполнении.

Алису оторвали от Пашки, и стражники набросились на юного рыцаря. До Алисы донёсся его крик:

— Вы не имеете права! Я вам не подчиняюсь.

Кубок покотился по полу.

— Право... право... — горестно сказал шут, поднимая с пола кубок. — Какое здесь может быть право...

— Скорей! — умоляла Алиса, глядя, как исчезают в темноте стражники с Пашкой. — Надо его освободить.

— Как же его освободишь? — вздохнул шут. — Пошли к королю, может, всё-таки недоразумение.

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 82—85, 87, 88, 91—94.

Короля отыскали в тронном зале. Там пахло пылью и между колонн висела паутина. В зале толпились рыцари и вельможи. Алиса с шутом вбежали через боковую дверь в тот момент, когда король, поудобнее устроившись на троне, говорил склонившемуся к нему епископу:

— Только попрошу поскорее. Я ещё рук к ужину не помыл.

— Ваша воля, — заметил епископ, — но ваш дед и отец никогда не мыли рук. Это не мешало им быть великими полководцами.

— Мой дед был великий обжора, — огрызнулся король, — а отец — великий пьяница. А ты, епископ, враг прогресса. Введите обвиняемого.

Вкатился рой стражников. Когда он распался, в центре оказался мальчишка в рваной одежде. Без лат и щита гонора у Пашки побавилось.

— На колени! — приказал камергер.

— И не подумаю, — огрызнулся Пашка.

В зале захихикали. Пашка казался безопасным.

— Начинай, обвиняй, — сказал король епископу.

— Мы обвиняем этого человека, — сделал шаг вперёд епископ, — в том, что с помощью колдовской силы он нарушил покой государства, ограбил уважаемых

людей, унизил славных рыцарей и помог ведьме. За это он заслуживает смерти.

— Смерть ему! — подхватили вельможи. — Смерть!

— А сами кубок вручали, — сказал с укором Пашка.

— Ай, как нехорошо, — сказал король. — И в самом деле вручали. Получается, что меня обманули.

— Тут король усмехнулся и продолжал: — А ведь меня обмануть нельзя. Я король. Я всё вижу. Я с самого начала догадался. Да нельзя было на стадионе тебя брать, это не понравилось бы моему народу. Он не выносит моих благородных рыцарей и моего мудрого епископа. Потому что таких грабителей и такого охотника за ведьмами ещё в нашем королевстве не наблюдалось. Но теперь мы должны примерно наказать тебя, юноша, чтобы рыцари были довольны и епископ успокоился.

— Епископу эта речь не понравилась. Даже его клоп почернел от негодования. Но он взял себя в руки и, когда король замолк, продолжал:

— Свидетели, подойдите сюда!

Вышли вперёд Папифакс и Чёрный Волк.

— В честном бою победил вас этот мальчишка? — спросил епископ.

— Обманом! — хором завопили рыцари.

— Всё ясно, — сказал епископ. — Можно произносить приговор. Я его заготовил...

— Я свидетель! — Алиса выбежала из-за колонны.

— Тебе нельзя, ты иностранка, — сказал епископ.

— Пускай говорит, — сказал король. — Мы всё равно решим, как удобнее.

— На стадионе колдовства не было, — сказала Алиса. — Все видели. Была военная хитрость.

— Знаю, — сказал король, — но не в этом дело.

— Я прошу, чтобы его отпустили со мной. Мы тут же уедем.

— Не унижайся перед ними, Алиса, — сказал Пашка.

Шут забежал с боку трона и принялся уговаривать короля:

— Отпустите, зачем вам неприятности с соседями? Ещё войной пойдут.

— Молчи, шут, — ответил король. — Соседи далеко, а мои вельможи рядом. Сегодня я епископу угожу, завтра и он мне пригодится...

— Тут некоторые, — вмешался епископ, — пугают нас иностранными державами. А кстати, кто может поручиться, что это настоящая иностранная принцесса?

— Ну, это уж слишком, — сказал король. —

Она Изабелле племянница.

— Не доказано, — сказал епископ. — Но чтобы не было сомнений, я сейчас покажу вам главную свидетельницу.

По его знаку вошёл здоровенный монах, подпоясанный верёвкой. Он тащил за собой маленькую девочку в лохмотьях.

— Сейчас же отпустите её! — крикнул Пашка.

— Ага, узнал, — обрадовался епископ. — Знаешь, кто она такая?

— Это маленькая девочка. Перестаньте её мучить.

Алиса увидела, что по щеке шута катится большая слеза. Где же Изабелла? Неужели она не знает, что Пашку поймали?

— Теперь мы ему ничем не поможем, — прошептал шут.

— Ты знаешь этого человека? — спросил епископ у девочки.

— Этот дядя меня из дров вынул и домой отвёз, — сказала девочка. — Дядя, зачем они снова меня у мамы отняли?

— С громадным трудом, — торжествовал епископ, — моим людям удалось отыскать её на чердаке. Никто не убежит от нашего суда. Хотя десять раз вынимайте ведьму из огня, мы её туда отправим снова.

— Кстати, в чём её вина? — поинтересовался король. — Как-то мне раньше таких маленьких ведьм видеть не приходилось.

— Ведьмы бывают даже новорождённые. Вина её в том, что она рисовала на песке колдовские фигуры.

— Я рисовала картинки, — сказала ведьма, — а не фигуры.

— А одна из фигур была похожа на ваше величество, — сказал епископ.

— Чур меня! — испугался король. — Я мог заболеть или умереть!

Вельможи шархнулись от девочки.

— Никакой пощады, — сказал король. — Обоих в костёр.

— Заодно заграничную принцессу и королевичу-мачеху, — сказал епископ.

— Ну-ну, — опомнился король. — Тебе бы всех съесть. Так и до меня доберёшься. Руки коротки. Оставь моих родственников в покое.

Епископ поклонился. Он своего добился.

(Продолжение следует).